

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

МАРИЯ ПАНФИЛОВА

КИСТЕПЁРАЯ РЫБА ЛЮБОВЬ

Стихотворения

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2010

М. Панфилова. Кистепёрая рыба любовь.

Стихотворения.

М.: Вест-Консалтинг, 2010. — 40 с.

А что же такое «кистепёрая рыба»? Мне было известно одно: та, что считалась вымершей много миллионов лет назад, вдруг оказалась живой и до сих пор обитает в глубинах океана. Ну, прямо как любовь. Оказывается, представительница одного из видов латимерии (так живущие ныне кистеперые называются по-научному) была найдена у берегов Индонезии в 1997-98 годах. Именно в эти годы я начала писать стихи «по-серьёзному». Выяснилось, что эту рыбу открыла молодая пара биологов, проводивших в Индонезии свой медовый месяц. Ага! Так и тут любовь замешана. Теперь уже не было никаких сомнений: название книги не случайно!

Мама рассказывает, что утром 29 сентября 1972 года, когда я, Панфилова (Фатеева) Мария, появилась на свет, шел снег. За прошедшие с этого времени годы я закончила Московский математический техникум, вышла замуж, родила сына Николая, закончила художественно-графический факультет МГОПУ им. М. А. Шолохова. Если не считать юношеских (девических?) стихов, начала писать в двадцать пять лет. Первая книжка «Случайные словечки» была сделана в 2000 году тиражом четыре экземпляра силами друзей. С 1999 года участвую в жизни литературно-художественного клуба Подвал № 1, а с 2008 года — Союза Литераторов России.

ISBN 5-86676-032-0

Заказное издание

Книга выпущена в авторской редакции

- © М. Панфилова, стихи, 2010
- © В. Микушевич, предисловие, 2010
- © И. Бурдонов, заключительная статья, 2010
- © Союз литераторов России, идея издания, составление, предисловие, 2010
- © Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2010

С безнаказанностью соловья...

Мария Панфилова позволяет себе писать стихи и не ждёт ни от кого позволения. Между тем нынешняя стихотворная продукция, как правило, сопровождается немым, но тем более заискивающим «с позволения сказать», и на бесчисленных литературных обсуждениях постоянно слышится вопрос: «а так можно?», как будто кто-нибудь знает, как можно и как нельзя, а если кто-нибудь воображает, что знает, он-то как раз не знает ничего. «Мой невоспитанный стих», — могла бы сказать М. Панфилова вместе с Мариной Цветаевой, но для М. Панфиловой это слишком громко сказано. Стихи М. Панфиловой не только не проповедь (об этом для неё и речи быть не может), но, пожалуй, даже не исповедь. Стихи М. Панфиловой — признак жизни, и в этом их достоинство, привлекательность, если хотите, даже неотразимость.

Главная проблема этих стихов, их тайная травма, их вечный двигатель в том, что жизнь проходит, и хорошо бы её остановить: «Стой, тебе говорят, жизнь — мотовка, чертовка, индейка!». Но на такую «остановку в пустыне» надеяться не приходится, да тогда, чего доброго, и стихов не будет, а стихи кое-что значат для М. Панфиловой, может быть, значат всё, хотя сама она так ни за что не скажет, из чего как раз и следует, что это так. М. Панфилова несколько не обольщается относительно миссии поэта в современном мире: «Могу сказать: “Пишу стишки. Смешно. Да и неблагодарно”». С такого сознания, собственно, и начинается современный поэт. М. Панфилова стесняется своего дара и потому не стесняется маскировать его даже неким подобием гламура:

*Эх, видно, счастья в жизни нет,
И невозможно всем понравиться.
Среди красавиц я Поэт.
Среди поэтов я Красавица.*

Но М. Панфилова — именно поэтесса, невольно, но тем более убедительно опровергающая распространён-

ную декларацию женского самоутверждения в поэзии: называть себя Поэтом, как будто мужской род заведомо значительнее женского и скоро начнут называть актрису актёром, а певицу певцом.

«Нельзя сказать: стоял июль», — вдруг пишет М. Панфилова, как мы сказали, не обращающая внимания на то, что можно и что нельзя. Здесь «нельзя» не предписание и не запрет, а фатум. Хорошо бы, если бы июль постоял, но июль проходит, всё проходит, надпись на перстне библейского царя. В отличие от Марселя Пруста, М. Панфилова не ищет потерянного времени, — что потеряно, то потеряно, — и не тянется в будущее, которое само придёт — и пройдёт: «Девичий век такой короткий...» А июль устремлён к осени, как все остальные месяцы, как все времена года, как времена:

*Глушитель-подушка. Ночная рубашка.
Смирительная и не очень.
Смирялась, смеялась — устала, бедняжка.
Не дуйся! Ну, всё-таки осень.*

Для русской чувствительности подушка — исконный символ обиженной женственности, как в незатейливом, но таком старомодно трогательном романсе:

*И слезами над подушкой
Разлилось-распалось.
Вот что с бедною игрушкой,
Вот что с сердцем сталося.*

«Глушитель-подушка», такая оглушающе современная, разве не то же самое? Осень у М. Панфиловой — негромкий синоним Апокалипсиса: «Счастья нет. Таков обычай. Вот и дело к сентябрю...» «На сегодня с весной покончено...» «В этом бутафорском лете никаких загадок нет».

*А вот и разгадка этих отсутствующих загадок:
С невозмутимостью Будды.
С полуулыбкою рта.*

*А лепестки — повсюду.
А на душе — Пустота.*

Над прохождением времени, в его прохождении —
Пустота. Так и хочется сказать: её величество Пустота.

*...Смотри: вот к Дому идёт Император.
Ветер голодный навстречу. Чуть помолчали.
И разошлись. Пустота за ними сомкнулась.*

Но М. Панфилова снижает пафос повседневностью,
повсечечностью если не от Бога, то с Богом:

*Чайничек — псевдоиероглифы, глянцевый бок
Делится с нами дружески янтарём.
Так и сидим на кухоньке — я и Бог.
И тишину с пустотою вприкуску пьём.*

При этом в стихах М. Панфиловой прорывается тра-
диционный лиризм с традиционнейшими аллюзиями и
цитатами, хватающими за душу своей неожиданностью:

*Чтоб убить уже наверняка,
Он целует тебя понарошку.
Ты в обветренных красных руках
Тащишь розу как дохлую кошку.*

*Замечая едва ли вокруг
Закипание липы в аллее,
И зачем-то твердишь: не зову
И не плачу и, да, не жалею.*

В таком неуклонном неумолимом прохождении вре-
мени намечаются райские островки: паузы, в которых
возможна даже любовь:

*Гляди, самолёттик, на небе — ни паруса.
Короткие письма: длинноты и паузы...
Любовь — ископаемое и искомое —
Такое знакомое и незнакомое.*

Отсюда особая роль соловья в стихах Панфиловой. Соловей — озвученное время. Очарование его пенья даже не в разнообразии коленец, а в паузах, позволяющих дышать, М. Панфилова, кажется, говорит вместе с Блоком: «Узнаю тебя, жизнь, принимаю», но приветствует она её не звоном щита, а особой нотой лирической незащитности, «с безнаказанностью соловья».

В. МИКУШЕВИЧ

1.07.2010.

* * *

*«...Мой самолет был болен
Тяжело болен
Неизлечимо болен
Пароходиком в море...»*
Веня Дркин

Гляди, самолетик, на небе — ни паруса.
Короткие письма: длинноты и паузы...
Любовь — ископаемое и искомое —
Такое знакомое и незнакомое,

Скорлупка, козявка для завоевателя
Лепечет морзянкой, хореем и дактилем
Взволнованно, и потому лишь — хорошее...
Несчастье... спасенье железнодорожное...

* * *

Пойдем, по городу побродим.
Ненастный, сумеречный час.
Негромких уличных мелодий
Пополним золотой запас.

Ты мне чего-нибудь расскажешь —
Такая старая игра,
Когда значение слов неважно...
Озноб. И страшная жара, —

Мы сквозь неё — до поворота...
И нас оставят, погодя,
И ветра пьяная икота,
И расточительность дождя...

* * *

Эта — словно живая — мгла
Навалилась лиловой тушей

На ростки ледяного стекла
Под ногами по краю лужи.

Острие моего копья
Заржавелое и тупое...
С безнаказанностью Соловья
Я пою, воротясь из боя.

* * *

Прощай, букет муската тонкий!
Кой черт опять меня несет?
Я душу заливал зеленкой,
Пускаясь в мартовский поход.

Не дальний темный полустанок
Меня сквозь пропасти манил, —
Бумажный лес и спозаранок
Переливание чернил

Не из порожнего в пустое, —
Из ниоткуда в никуда.
Тетрадка шевелит листвою.
Гори, гори, моя звезда!

* * *

От метро — пять минут. И метель языком по лицу...
Я бреду бечевой, утопая в сугробе-верлибре.
Молодой воробей как упитанный серый колибри
Собирает нектар и сбивает снежинок пыльцу...

* * *

Нынче Гайдн. Начало недели.
И слегка разбавляет мороз
Запах Ниццы в бетонном тоннеле
Над охапкой поблекших мимоз.

Запах бледный и нищий, и тонкий.
И надрывный скрипичный фальцет.
И смущающий взгляд Незнакомки
В этом будто знакомом лице...

* * *

Я о встрече прошу, —
подошли Златокудрого Брата
Фонари погашу
на своей половине Арбата.
Дай же мне лицезреть
Сю улыбку от уха до уха
Так тебе бы гореть,
а не желчью плевать, старуха,
Так тебе бы дышать
разреженным дымком в эмпиреях,
Обмирая, пожать
лягушачью лапку Психеи...
Полыхает Арбат.
Вы с блокнотом. Бутыль. Тюбетейка.
Стой, тебе говорят,
жизнь — мотовка, чертовка, индейка!

* * *

Чтоб остаться с собою и Небом хоть как-то в ладу,
Не хватает, возможно, совсем захудалой зацепки...
Приглашенье на казнь предваряют галантные сценки,
И черпают бальзам тюбетейкой в ближайшем пруду...

* * *

А крепость сдается. Без боя.
Аренда! На всю жизнь вперед.
А счастье... меня не берет, —
Такое оно дорогое.

Мои темно-русые патлы
Полощутся ветром, как нимб.
Особенно крупные капли
За шиворот, за воротник.

Особенно хлесткие фразы
Оплачены. Кровью в ответ.
И вечер скабресный куплет
Продолжит с привычной гримасой...

* * *

На моем подоконнике корчились листья.
А на автоответчике кончились мысли.
А на автопогрузчике — сбруя и вожжи.
Весь тираж Домостроя застрял на таможене.
Восхитительно пьян ветер в синих погонах.
Он бодал, он гонял десять строк по вагону.
Десять кликов. На коврикe серый мышонок.
Электрический пёс, по e-mail хорошо нам
Поделить костный мозг и вспороть окончания,
Упиваясь до боли молчаньем. Молчаньем.

ОСЕНЬ

За бездорожье и печаль в ответе,
Лежит Она, напившись тишины, —
Царевна мертвая в оранжевом жилете,
Застиранном к зиме до белизны.

* * *

Может никуда не полечу
И не уплыву на пароходах.
Может никогда не получу
Бляху «За спасение на водах».

Может перестану различать
Кипарисов шепот музыкальный...
Ничего не буду предвещать
Законопослушно и лояльно.

* * *

Я — зеркало. Нежно мерцая
В пыли золотой на плаву.
Вседневно Тебя созерцаю,
Твоим отраженьем живу.

Встревоженный слой амальгамы
Вмещает, трепещет, влечет...
Ведет одиночества счет
Старинная патина рамы.

* * *

Мы с тобою вместе испытали
Наслажденье наивысшей пробы:
Медленными мерили шагами
Сад почти растаявших сугробов.

* * *

В лунное чудесное лицо
Вечер преданно глядит арапом.
Джазовой тягучей хрипотцой
И разнежен он, и расцарапан...

Логика холодного луча
И преображается, и тает
В комнатах, где сонная печаль
О любви вполголоса читает.

* * *

Доверяя чутью,
Без дороги, без всякой тропинки,
По сухому ручью
Перекатывая песчинки,
Там где мальчик играл,
И барашки под дудочку плыли
Ветер к дому шагал,
Волоча по земле крылья...

* * *

Типографская грязь
И чернильная тля...
Для пометок и клякс —
Снеговые поля.
Для неровной строки —
Отражений отвес.
Меж ладоней реки.
Сквозь усмешку небес.

* * *

Жар из-под синих век.
Глины лоснится шелк.
Молча последний снег
Шляпу взял и ушел.

* * *

Дворик в цвету вишнёвом
Словно не городской.
Дворник в кафтане новом
Бродит, скребет метлой...

С невозмутимостью Будды,
С полуулыбкою рта.

А лепестки — повсюду.
А на душе — Пустота.

* * *

Томились в небе облака
Ломтями нежного бекона,
И — тут же ливень клокотал,
И град обгладывал балконы...

Нельзя сказать: «Стоял июль», —
Он время и пространство рушил.
Пустую песенку мою
Он наполнял вином из лужи.

Могу сказать: «Пишу стишки»...
Смешно. Да и неблагоприятно.
Стрижи на проводах — флажки
На нитях в воздухе янтарном...

* * *

Эскизы лета перелистывать
Во двор с деревьями рогатыми!
И в лужах стеклышками чистыми
Играть... И солнце перекачивать.

* * *

У полыньи, у края парка,
Ловлю на варежку свою
Зеленогрудую русалку.
Ловлю и песенку пою...

Великолепна и уныла,
Переливаясь надо мной,
Луна — белеющий обмылок
Или осколок слюдяной.

* * *

Сверкаю плёнкой нефтяной!
Асфальт и лужи.
Стеклярус неба надо мной
Теплом разбужен.
Я расправляю как листва
Немые крылья.
Лечу, окутывая вас
Зеленой пылью.
Пыльцой. И запахом любви.
И птичьим пеньем.
Легко ступаю по земли
Дождем весенним.

* * *

В обычных лужицах
Живут жемчужницы.
Антенна кажется
Струной эоловой.
А в небе — голуби
Привычно кружатся.
Октябрь плещется:
Лазурь и олово.

* * *

Видно у моря я не в любимчиках, —
Пеной плюется и морщит личико.
Тесно в Гурзуфе как в старом лифчике,
Севшем от бесконечных стирок.

Здравствуй, дерьмище на улочках кучками!
Здравствуй, винище самое лучшее!
Ты, брат, сюда заезжай при случае.
С видом на рай — десятки квартирок.

* * *

Вьюнками обвит,
Светофор покосился...
Сворачивай здесь.

* * *

Сквозь звуки волн, в припадке лающих
На лодочку под белым парусом,
На фоне бездны, обнажающей
Ряды зубов оттенков яростных —
Сапфировых и малахитовых, —
Запомнятся в одно мгновение
И вымпелы верхушек пихтовых,
И одуванчики последние.

* * *

В небесном бездонном мешке
Отыщется ветер разлуки
И кружит в моем тупичке,
Швыряет пустые скорлупки.

Срывает с ветвей мишуру,
Выстуживает, иссушает.
Надежды, надежды лишает
Что будто бы я не умру.

* * *

Стихает шторм, и тучи низкие
Расходятся, гремя подковами.
И отсветы по небу рыскают
Оранжевые и багровые.

Волна в покорности обманчивой
Распластывалась в полный рост.

Оттенки зелени и ржавчины —
То рыжина, то купорос.

Я убираю кисти бережно.
С палитры лишнее сдираю.
А чайки топчутся у берега
С укором на море взирая...

* * *

Начинай готовиться к зиме:
Напили дрова, заделай щели.
Надо будет выдержать суметь
Памяти изысканное мщенье.

Море дышит: грозная квашня
Тяжко возится. Уснул поселок.
Осень... Ну а что же до меня —
Так и мой портрет не из веселых.

Львы, олени, чайки... Воронье.
Боль, сосредоточенная в горле.
Многолико и смешно мое
Морем поглощаемое горе.

То гордыня клацает во мне,
То познание брызнет горьким соком...
Начинай готовиться к зиме
С мыслей о высоком. О высоком.

* * *

На пляж с неподвижными тушами,
Остатками летнего жара,
Жонглируя желтыми грушами,
Торопится полдень с базара.

И сосны — роскошные львицы
Ему улыбаются немо...

О чем же шумят кипарисы
И пальцами тычут на небо?

* * *

Выдержано вино
Что б мы сегодня с тобой
Не удержались

* * *

Хвала богам, ведь мы пока что живы!
Блаженною улыбкой небосвод.
Козявочки кружатся над инжиром.
По глади моря лодочка плывет...

Идиллия, сознание усыпляя,
Дыханьем приторным убить меня грозит.

По синей глади лодочка скользит
Не мудрствуя. Не пыжась. Не виляя...
Не жаждя бури...

* * *

Ты ли счастье свое не отпустишь?
Е4. Судьба терпелива...
Моря нет, но песчаную пустошь
Все еще называют заливом.

* * *

Салам, любезная Фатима.
Всё есть: и нитка-паутина,
И золотое веретёнце.

Игрива зелень законная,
И самовольно дверь балконная
Впускает столько много солнца.

Зверёк мяукает просительно,
И белы голуби пронзительно,
Переполюня синеву

Крылами — ртутью переливчатой...
То гладко, то темно и сбивчиво
Не зная как, зачем — живу.

* * *

Сплю на ходу, но
Спасает от сладких грез
Камушек в туфле.

* * *

Я — хрустальный единорог
в табуне из колючей жести.
И с меня не возьмешь ни шерсти,
Ни какого мяса кусок.

Неуклюжее «почему?», —
я топталась по краю сна.
Я водилась в одном доме —
ни на что почти не годна.

На пути Ваших кавалькад
я жасминовый белый куст.
Формула моего цветка —
отражение Ваших уст.

* * *

Замызганный мольберт в углу.
Незавершенная марина.
Жара и нега. На полу
Таинственный зрачок тигриный

Мне чудится в игре теней...
И голос: Здравствуй, мол, товарка!
Чащоба. Запахи сильнее.
Там, за границей лесопарка,

В сыром болоте тишина
Ловушки хитрые расставит.
И жизни суть обнажена.
Нагайна. Рики-Тики-Тави.

* * *

Букет-охапка в банке на окне.
Цветы и листья — кружевные ветки.
И блики на зеленоватом дне.
...рёзовый сок» — гласила этикетка

пожухшая как фото. Прошлый век...
Конструктор — карандаш, игра и мама.
День наступает самый первый. Самый!
Я родилась! Расту! Я — человек!

* * *

Предательские
Веснушки-конопушки
Лица не видать

* * *

За нехватку смысла и серьезности
Упрекали дочь, — а ей всё весело...
Может, это я, прости мя Господи,
Глуповатое крыло Поэзии?

* * *

Всё сбудется. Ты только погоди.
Сработают известные рецепты.
Я вырасту. И стану брать кредит.
И торговаться. И платить проценты.

Художника задавит геометр.
С линейкою всегда верней и лучше.
Держи в зубах насущный камамбер.
Ворона лает. Ты её не слушай.

ЧЕМПИОНАТ ПО ПОЭЗИИ

Как сходились лито
И читали нетленное.
И тайком от Поэзии
Мерялись членами.

ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ

Она сказала: Короче,
Кто хочет стать утром короче?

К***

Поделили мы по-братски части глобуса.
Проводи меня, Шарапов,
До автобуса.

* * *

не омрачают лоб
тени ненужных дум.
он не на службу идет —
он выгуливает костюм.
нашего с тобой
времени герой.

* * *

За электричкой пыльный хвост
Ползет лениво до Каширы.
И снова на железный мост
Карабкаются пассажиры.

На пальце ключики вертя
Небесной сумеречной жести,
Незримый, ходит по путям
Дежурный ангел путешествий...

* * *

Тяжелые мысли удобно в большом чемодане
Хранить и повсюду, повсюду с собою носить.

А легкие мысли прекрасно на ниточках тонких,
Подпрыгивая и взлетая чуть-чуть с каждым шагом,
Как стайку воздушных шаров увлекать за собой.

Веселые мысли так просто в компании хорошей
Приходят и, даже без пива, тебя утешают.

А грустные, пошлые, скучные, грубые мысли
Родит суета и с плохими людьми сообщенье.

* * *

В такое вот утро печалиться,
Сдаваться унынию — грех.
Такому вот утру случается
Июлем прийти в ноябре.

Пляши на макушке у августа,
Заглядывай марту в глаза...
Но только... ни слова, пожалуйста,
Что видел Ты там, в небесах.

* * *

Облака над Липовкой
Словно утюги.
Облака над Липовкой —
Кони-битюги

Синими копытами
В поле мнут полынь —
Серебром накрытые
Долгие столы.

Как, натешившись, взмахнёт
Лето рукавом...
Ты оглянешься, — ан нет
В небе никого.

* * *

Вот «буря мглою»
Небеса укрывает...
Спасает Пушкин.

* * *

В инее бурьян.
Веточку мне отломи
На счастье, Зима.

* * *

Вишня не знает
О ком это говорят:
«Смотрите, — вишня!»

* * *

Доброе утро
Кашу варю на двоих
Жизнь не напрасна

* * *

Грань между «жив» и «умер» дрожит, тонка.
Мысли-горчичники клеятся стык в стык.
Не допрошенным отпустить языка,
И сидеть «в четырех», проглотив язык.

А у правды моей нетоварный вид.
А управы на горечь никак нет.
«Ландыши, ландыши!» — где-то поет-болит.
На седьмом этаже. На седьмом дне.

* * *

Вот и весна на пороге, проснись, тетёха!
Что схоронилась? Знаешь, любовь — не тётка.
Сколько ещё нелепых надежд подарит...
Неутешительна правда о Карле и Clare.

* * *

За окном вечерняя гризайль,
Чуткая как ухо великанье,
Сумерек безумные глаза
И дороги ровное дыханье...

* * *

Глядит. Почти невидимый с Земли
Сквозь этот сумрак, кем-то населенный...
Ветла во тьме когтями шевелит,
За облаком ругаются вороны...

И голый лед. И дождь. И ни души...

* * *

Нет белых пятен более в винной карте.
Пьян и рассеян, гладишь ладонью скатерть
На юбилее, в раздумьи над собственным трупом...
«...Мама болеет, и хочет хороших фруктов».

* * *

Вот, полюбуйся:
Косточковые цветут
Поперек горла.

* * *

Подражание известному поэту В.

Была «в соку», — а уж отходят воды...

* * *

За окошком рубят сакуру,
И чадит родной очаг.
Счастье на кусочке сахару
Принимаю натошак.

Трезв до самоотречения
Дохтур по небу идет.
Говорит, самолечение -
До добра не доведет.

Да чего он знает, Господи,
Лекаришка-сукинсын
В час когда родное «с глаз поди!»
Камнем ляжет на весы...

* * *

Над Солярисом горечь тумана,
Над Землей — облака, облака...
На нефритовом стебле тюльпана,
На изломе его лепестка
Почивает полуденный зной...
В паутинной изящной шнуровке
Померещатся божьей коровке
Лабиринты тоски неземной.

* * *

Лунный угорь в подводной листве.
Междувстречье. Зияют лакуны.
Гондольеры с Хароном в родстве.
Подозрительны воды лагуны.

Валидол под язык, — что обол.
Ты ученый, усталый и нищий.
За бортом кажет влажный плавнище
Кистеперая рыба Любовь...

* * *

Бигфрендов шнур — крепкая нить.
Жизнь выбросит нас, срезав балык.
Незачем бальные платья хранить.
И недосуг ходить на балы.

Одиночество — перегонный куб.
Нет гравитации. Граппа есть.
Страшен во гневе Рахат-лукум.
Are you all right? Улыбайся: Yes!

* * *

Нет, не ходи, не ходи Ты со мной в разведку:
Будут пытаться — предам, а убьют — жалко.
Мысли сырые, — вот и чадят едко.
Губы горят, как на воре шапка.

Никакой маскировки, ядрён корень!
Заведу ероплан, — да к едренефене:
Ждать алый парус где-то на Мертвом море.
Грей «собака» Яндекс. Пароль — «на сене».

* * *

Чтоб убить уже наверняка,
Он целует тебя понарошку...
Ты в обветренных красных руках
Тащишь розу как дохлую кошку,

Замечая едва ли вокруг
Закипание липы в аллее...
И зачем-то твердишь: не зову
И не плачу, и, да, не жалею.

* * *

Всё может выжечь
Прикосновенье ладони иной.
О как хочется выжить
Любови обглоданной
Мыслечайками
Прожорливыми к утру.

Вот и чайнику
Эта исповедь не по нутру -
И он подпрыгивает,
Поёт, плюёт кипятком,
Что ты, говорит, рыбамоя,
Жить, говорит, — легко.

* * *

Мы, благородный лютик, оранжерейный репейник
Рая круги, несколько первых ступенек,
Мы проскочили. Без-мозг-ла-я мелочь.
Классики, видишь, — криво очерчены мелом...

В печке палить человеческое оперенье
Остерегайся. Иди. Воротись скорее.

* * *

Чувство зимы заполняет меня целиком.
Сменила затишье Ве-ли-ка-я Тишь.
Тостер покоцанный цокает языком:
Тост, мол, готов, наливай, чего ты сидишь?

Чайничек — псевдоиероглифы, глянцевый бок, —
Делится с нами дружески янтарем.
Так и сидим на кухоньке — я и Бог.
И тишину с пустотою вприкуску пьем.

* * *

Вот-вот утихнет боль.
И жизнь почти реальна.
Давай отменим, штоль,
Тоску. Принципиально.

Сдаваться погодим.
В сиреневом угаре
Заначки раздадим
И ништяки раздарим.

И волю. И покой.
И счастья недискретность.
И птичье молоко
Всем ангелам «за вредность».

* * *

Мы травим байки, душу травим,
На «неуд» нашей тройкой правим, —
На «уд» играем роль иуд.

Мы строим дом. Растим осину.
Хороших книг приносим сыну
Где любят и почти не лгут.

* * *

Внешняя невозмутимость так благородна.
Как доминошная косточка пусто/пусто.
Друг мой, молчанье твое — бесконечность.
Я благодарна за четкость формулировок.

О, как тонко ты однажды подметил:
Да, старый клён действительно напоминает
Крышу. Смотри: вот к Дому идет Император.
Ветер голодный навстречу. Чуть помолчали.
И разошлись. Пустота за ними сомкнулась.

* * *

«...Помнишь, Постум, у наместника сестрица?...»
Иосиф Бродский, «Письма римскому другу»

Говорят, что курица не птица,
Лишь петух окрестность оглашает.
Может оттого так и молчится,
Что никто мне петь и не мешает?

И Любовь, — конвойный недалёкий,
Не дежурит поодаль с кинжалом.
Бытия убийственная лёгкость
Стискивает грудь прелестной Лалы.

Хорошо б красавицей родиться, —
Да с павлиньим опереньемхватишь горя.
Не спасут ни тишина, ни море
Самых отдалённых из провинций.

В тишине, объемлющей Итаку, —
Вечности неуловимый росчерк.
Оттого я и несу берданку
На прогулку в соловьиной роще.

* * *

Стану звездю порно
Стану звездю порно
Стану звездю порно
Станет людям светлей

* * *

Под вечер вспоминается Итака...
Уходит Эос. Резко холодает.
Улыбчивая яблонька-китайка,
Усыпанная терпкими плодами,

Сияньем наполняет этот угол
Запущенного сада. Над домами
Восходит, оттеняя елей уголь,
Испуганное личико Данаи...

Прозрачна ночь. Бессонницы багор
Нащупывает полутруп зевоты...
Но сочное портовое арго
Врывается из памяти, и воды

Той гавани, куда мне нет возврата,
Колышут корабли моих иллюзий...
Окончена веселая регата.
Скамейка. Младший Плиний.
Старый лузер.

* * *

Если же примешь лопух ты
За подорожник целебный, —
Знай же, лопух, что целебно
Даже одно лишь название...

* * *

Выпей белые белила,
Ляг на теплую дорогу, —
Станешь зеброй.

Очень доброй и веселой
Полосатой и нелепой...
И, возможно,

Вдруг в тебе увидят Личность,
Вдруг в тебе заметят Лошадь,

А не скучную
дорожную разметку.

* * *

Скворчонок — незадачливый домушник, —
Метнулся к форточке, рванулся — был таков.
Окатывает кремовый чубушник
Волной благоуханных лепестков

Оглохших нас, влюблённых, беззащитных...
И жестяным прутом над головой
Скрежещет гром. Но глупая Кончита —
Посмешище! — не слышит ничего.

Курортников, бредущих краем моря,
Не замечает. Злые языки
Облизывают берег: Блажь! Умора!
Блаженство. Беспощадные тиски.

Бессовестные байки... Вдруг, из клетки,
Засвищет кенар про любовь до гроба...

Хозяин и хозяйка верят оба
В переселенье душ и в ипотеку.

* * *

Говорят: «Бери!»
Говорят: «Беги!»
Говорят-говорят...
Можно рехнуться,
Когда включаются все подряд
В обряд говорения правды,
И звукоряд
Раздирает,
Растаптывает,
И парят
Ключки
Закоулками стылými -
Белый пух
Крыльев ангельцких.
Любови сожрав целый пуд,

То ли башку отдать,
То ли — стопу.

Дед Прокруст говорит: «Давай!
Выбирай».

* * *

Моё одиночество слаще иных объятий.
Но чем-то меня прельщают твои объятия.
И взгляд Твой прекрасно прохладен и нежен.
И руки Твои, что готовы меня отпустить...

* * *

Преданно в небо цикорий глядит, не мигая.
Дерзкий прекрасен сорняк — осенние астры.
Молча целует ноги твои подорожник.
Это ведь я — подорожник, цикорий и астры...

* * *

Жабрами вбираю,
выуживаю
нежность.
Из воздуха,
из ничего,
на живую...
острый плавник отводя осторожно, —
не поранить бы.
Сосредоточенно собираю,
склёвываю
печаль Твою,
страх,
усталость.
Нежность —
это
такая

малость.
Нежность —
это
такая
не-об-хо-ди-ма-я
вещь.

* * *

Ультрарок и конфетен
Бальзамина пышный цвет.
В этом бутафорском лете
Никаких загадок нет...

Кроме, разве, смысла жизни...
Но не нужен он, пока
Глупый шмель на миг зависнет
В бесконечности цветка...

* * *

Часы драгоценные тают.
И те отданы суете...
Зачем человек не летает?
А если и хочет взлететь, —

Известная в физике тема
Напомнит парящей душе:
Про массу нахального тела,
Про «эф» и треклятое «же»...

Пусть разум талдычит своё нам.
От мыслей тесно в голове...
Над спящим в потёмках районом,
В количестве двух человек,

Друг в дружку влюблённые очень
Поднялись, кружат высоко...

Им ангелы машут, хохочут
И птичье пьют молоко.

* * *

Ровно пять слогов,
Семь, и снова пять. Сколько
Лишнего скажешь.

* * *

Я — живая. Не надо Ай Си Кью.
Я люблю тебя. Как могу.
Я тебе нарисую классики
Белым перышком на снегу.

Буду добрым косматым ангелом.
Карандашик — волшебный жезл.
А зима переписет набело
только то, что нам по душе.

* * *

Я — права,
А Ты — лев.
Я — шутов,
А Ты — королев
Знаем суть...
За — будь.

* * *

Глушитель-подушка. Ночная рубашка.
Смирительная и не очень.
Смирялась, смеялась — устала, бедняжка.
Не дуйся! Ну, всё-таки, — осень.
Острее Борея, Нептуна мокрее

Ну да, старина, — обостренье...
И, выйдя из строя, от страха дурея,
Взлетаю! Скорее, скорее!

От этого тлена, из этого тыла,
Сквозь координатные оси...

На Патриках, бросив шинель и мобилу,
К трамваю бежит Подколёсин...

* * *

Друх мой! Может для какой-то Лалы
Люб и бессловесный кавалер,
Что sake пиалу за пиалой
Пьет, а после «с места и в карьер».

Я, конечно, тоже не святая,
Но подход формальный позабудь.
Помни впредь: за грудь меня хватая,
Говори, несчастный, что-нибудь!

* * *

Счастья нет. Таков обычай.
Вот и дело к сентябрю.
Кто со дна подругу кличет?
Молча в воду посмотрю:
Мертвая или живая...
Озирая берега,
В небе тихо проплывает
Ангел моего врага...

* * *

За щекой конфетою «Снежок»
Слово — сладко. Смысл — небо колет...

Долгая, как партия в маджонг,
Кончилась зима. Приплыли, Коля!

Плачу втихаря, как салабон.
И жемчужничаю как моллюски.
За стеною кашляет Ли Бо
И кого-то кроет не по-русски...

Пролетаю над гнездом чужим...
Или, скажем, просто «пролетаю».
И, вот так, — всю правду — расскажи, —
Никаких грамматик не хватает.

* * *

Паваротти, поворотí
В глушь, в Сорренто, в деревню, в Саратов...
Где остатки родных паутин,
Где земли — по два метра на брата,

Где весь век от нутра до утра
Скачет «белочка» с водки на ветку...
Где всего-то и дел: умирать.
Вот тебя и послали в разведку.

* * *

Я б толком написать смогла бы

Какие дуры эти бабы,

Когда бы

Не была б

Одной из баб.

* * *

Станешь матерью.
Научишься материться.
Парить репу. Парить как птица.
Бояться научишься.
И прощать. Как Б-г.

И «Колобок»
Познаешь ты в совершенстве.
И амплитуду от фланели до жести.
Слышишь, всё сбудется:
белка, свисток...
Будь спок!

* * *

Прёт зелёная брага
На весеннем пиру.
Всё в порядке собака
Хорошо точка вру.

Время знай себе лечит.
Колокольчик по ком?
Что молчишь, человек?
В горле ком...

* * *

Обнажит коготки календула,
Прах оранжевый откружит...
Календарное лето следует
Проводить где-нибудь в глуши,

Вдалеке от прелестных умников:
Кто мошенник, а кто фигляр...
Слышишь, мучает скрипку «уникум»,
Разложив на земле футляр.

У прохожих в глазах смятение.
Замечает мелочь песок...
Но дыра в груди не смертельная,
И портвейн на губах не обсох...

* * *

Эх, видно счастья в жизни нет,
И невозможно всем понравиться...
Среди красавиц — я — Поэт.
Среди поэтов — я — Красавица.

* * *

На мокрые грядки смотрю полусонно.
Прозрачные капли — стекляшки бижу.
Как пошлые брошки блестят патиссоны.
Дождь мимо идет. Я в домишке сажу
На стуле скрипучем. И счастлива в кубе.
И чай допиваю, глаза в окно
На садик, где розы карминные губы
Дождю подставляют, мешая вино
И воду небесную... Греки... не греки...
А солнце глядит через туч паранджу.
Вот старенький Сапон. Сменю батарейки.
И сфоткаю всё. И тебе покажу.

* * *

На дне реки, на вечере реки
Русалочки гуляют косяки
И рыбины с латунными глазами.

А я одна на берегу стою,
Оплакивая молодость свою,
Как будто сирота вся Казани...

На дне реки, на вечере реки
Закат всё тот же, те же рыбаки
Не знают мысли ни большой, ни мелкой.

Открыв коробочку «Любовный антидот»,
Русалка, угостив меня, кладёт
Жемчужную за щёку карамельку.

* * *

Луна ли кружит,
земля ли хочет упасть...
Еще по глотку?

* * *

Небо, деревья, дома — от солнца светлы.
За домами — не МКАД, а — море, гудит, трубя...
Проходи. Руки? Красные от свеклы.
Я ужасно рада видеть тебя!

Я соскучилась. Я, соскальзывая в пустоту,
Ветви орешника видела над собой
И лягушек... Но, кажется, я расту,
Прорастая радугой. Пой же, пой,

Караоке-жизнь, в заштатном баре в моем дворе!
Недослушав куплет, соберут чемоданы грачи.
Осень свингует. Кропает свой жесткий рэп
Чайльд-Гарольд мой, уроки недоучив...

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха “СЛОВЕСНОСТЬ”

МАРИЯ ПАНФИЛОВА
Кистепёрая рыба любовь
Стихотворения

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Верстка — Марина Кива
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 29.07.2010
Подписано в печать 27.08.2010

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75